

Диакон Андрей Кураев

ДИСПУТ С КРИШНАИТАМИ

В соавт. со свящ. Олегом Стеняевым и Р. Гупта

Витебск

2005

Диспут представителей православия и кришнаизма

Ведущая: Я представляюсь. Я — глава издательства «Лепта-пресс». Издательство «Лепта-пресс» организовало эту встречу, как попытку не столько диалога, а сколько именно религиозного диспута с целью выяснения тех мировоззренческих позиций и различий между христианством и индуизмом как двух мировых религий. Дело в том, что мы знаем, что территория России, которая исторически является территорией православия, мы наблюдаем прозелитизм со стороны кришнаизма. И данный диспут является попыткой определить эти две религии и различия между ними, как их основную суть. Все мнения будут запротоколированы, записаны на камеру и в дальнейшем будут изданы как диспут с представителями кришнаизма. Также я хочу представить участников диспута как со стороны православия, так и со стороны кришнаизма.

Со стороны православия, как приглашающей стороны, присутствуют:

- дьякон Андрей Кураев, известный христианский апологет и богослов
- священник Олег Стеняев, давнешний оппонент кришнаитов, автор книги «Кришнаиты: кто они?», которая готовится к выходу в нашем издательстве
- дьякон Евгений Тремаскин, заместитель руководителя Центра Реабилитации Жертв Нетрадиционных Религий имени А.С. Хомякова
- Анатолий Юрьевич Пирский, сотрудник Министерства юстиции, юридический консультант Центра А.С. Хомякова.

Со стороны кришнаизма :

- Зуев Сергей Васильевич, председатель исполкома ОСК в России
- Доктор Рави Гупта, доктор теологии, Оксфорд, Великобритания.
- Валерий Долгополов, директор благотворительного фонда «Пища жизни» в Москве.
- Максим Осипов, координатор центра Общества Сознания Кришны в России, который будет переводить для доктора Рави Гупты.

С.В. Зуев: Дело в том, что взаимоотношение религий, взаимоотношение традиций не может начинаться с какого-то уровня, на котором традиции общаются «в целом», оно начинается с общения личностей, общения личностей представителей традиций. Наверное, доктор Гупта более подробно об

этом скажет. Поэтому мы считаем, что очень важно такого рода контакты, встречи, обсуждения проводить, чтобы четко понять, в чем различие, в чем что-то общее, и конструктивно вести диалог, тем более, что в Москве сейчас присутствуют и тесно взаимодействуют много традиций. Важно называть вещи своими именами. Ваша статья как раз характеризует такой подход — вы хотите понять, что такое вишнуизм, вайшнавизм, какое отношение к индуизму. Эти вещи требуют прояснения, изучения, исследования и очевидно, что здесь мы делаем первые шаги в этом направлении.

Свящ. О. Стеняев: Максима я запомнил после передачи «К барьеру». Вы произвели хорошее впечатление, и по радио «Радонеж» я сказал, что Максим выглядел больше как христианин, нежели человек, который называл себя православным.

Ведущая: Перед началом диспута я хочу еще раз повторить для обеих сторон, что это мероприятие не является совместным семинаром и тем более диалогом между русской православной церковью, от лица которой могут выступать только епископы и патриарх, это классический религиозный диспут, на котором присутствуют представители обеих религий.

Итак, диспут можно считать открытым, стороны могут выступать.

Свящ. О. Стеняев: Ну, наверное, я, как имеющий опыт общения с кришнаитами не только на территории нашей страны, но и в Индии, и в других странах, хотел бы предложить некий порядок встречи, чтобы наша встреча прошла благотворно, назидательно для всех собравшихся. Я думаю, что надо выяснить такие позиции. Новые религиозные группы, которые действуют на территории нашей страны — они очень часто декларируют свою близость к христианству. В России они декларируют близость к православии. Я знаю, что неофициально вышла книга «Христос и Кришна». Делаются заявления о том, что церковь якобы признала или не признала ту или иную религиозную группу. Я думаю, что такие встречи нужны для нас, чтобы мы могли общаться лицом к лицу, называть вещи своими именами, научились общаться без посредников. Мы живем в этой стране, мы граждане этой страны, нам и дальше придется жить вместе, поэтому, хотим мы или нет, мы должны хотя бы научиться понимать друг друга. Если же говорить о тех встречах, которые состоялись в Сухарево, когда отец Андрей читал лекции для ваших молодых учеников. У меня было несколько лекций на Беговой (в Москве), во Владивостоке, в Сыктывкаре, на Сахалине, в самых разных местах мне приходилось встречаться с вайшнавами, тоже читать для них лекции. Я вижу открытость вашу и приветствую это как миссионер. Я думаю,

что вот эта встреча не должна превратиться в обмен любезностями, потому что это неинтересно, когда люди соглашаются друг с другом. Намного интереснее, когда люди говорят о том, что их разделяет, но они об этом говорят выдержанно, спокойно, потому что они хотят не только высказаться, но и понять своего собеседника. Мне кажется, если в этом русле наша встреча происходила бы, она была бы плодотворнее.

С.В. Зуев: Да, очень конструктивно. Мы, наверное, могли бы предоставить слово гостю. Мы здесь находимся постоянно, а гость — всего несколько дней в Москве и было бы интересно, что его взгляд был бы более не привязан к этим местным коллизиям. Он мог бы высказать ситуацию, как теолог с одной стороны и как человек, который изучает вайшнавизм, как человек, который участвовал в диалоге между хинду и христианством на Западе.

Д-р Р. Гунта: Хотелось бы в первую очередь поблагодарить за эту встречу. Это для меня большая честь и удовольствие. Она меня очень радует, доставит большую честь, встретиться с такими громкими именами и фигурами со стороны православия. У меня лично есть глубокое уважение к русской православной церкви и русскому православному христианству, потому что это одна из самых глубоких форм христианства, которые мне известны, поэтому я готов к этому диалогу. Когда я использую слово диалог в более широком понимании этого слова. Потому что диалог — это не обязательно просто поиски точек взаимного прикосновения, точек взаимного согласия, потому что такой диалог должен подразумевать поиск разногласий и ясного их понимания.

Это наиболее интересно быть более открытым и пытаться найти противоречия, обсуждать их, чем просто обмениваться ничем несостоящими любезностями. На самом деле, всего два месяца назад я участвовал в такого рода встрече между представителями Сознания Кришны и католической церкви. Впервые в истории нашего сосуществования взаимоотношений, католическая церковь официально прислала своего довольно высокопоставленного представителя на встречу лидеров центров общества Сознания Кришны на Западе. Конечно, у вас гораздо больше опыт такого диалога, потому что отец Олег уже неоднократно посещал центры Сознания Кришны не только в России, но и на западе, поэтому ваш опыт превосходит наш. Поэтому мое понимание о глубине православной традиции дает мне право надеяться, что наш диалог пройдет более продуктивно. Но интересно, что когда представитель католической церкви приехал к нам на встречу, он практически озвучил все те же моменты, которые сейчас сказал отец Олег. И наша встреча прохо-

дила под таким девизом или заглавием: «Как нам воспринимать, как нам действовать по отношению к различиям, которые нас разделяют? И как нам научиться на основе таких различий создать платформу для взаимопонимания?» В наше время необходимость межрелигиозного диалога назрела и ни у кого не вызывает сомнений. Я недавно приехал с международного парламента религий. Это происходит раз в пять лет, довольно крупное событие, я только что вернулся с него. И необходимость животрепещущая крайне важного диалога подчеркивалась с самых высоких трибун у самых высокопоставленных глав различных конфессий мира. Когда к нам приехал представитель святого престола на встречу в Милане, то он в своем выступлении подчеркивал, каким образом к этому подходит католическая церковь. Он сказал, что в самой теологии католицизма заложена необходимость такого межрелигиозного диалога.

И, принимая во внимание богатства русской православной церкви и православного богословия, я могу предположить, что это дает более глубокие предпосылки для диалога, чем в католической церкви. И лично для меня, мне очень интересно попытаться узнать больше о вашей традиции, чтобы моя готовность к этому диалогу была также больше. И я поэтому хотел бы задать два вопроса, поскольку вы разбираетесь в этой ситуации гораздо глубже, чем я, объяснить ваш взгляд, взгляд русского духовенства на сам предмет межрелигиозного диалога, предпосылки, которые содержатся по отношению к этому предмету и ваш взгляд на саму суть этой проблемы. Мне очень интересно понять. Я бы хотел извиниться за то, что я не знаю русского языка, поэтому я хотел бы попросить говорить медленнее, чтобы перевод успевал за вами.

Свящ. О. Стеняев: Отец Андрей Кураев написал книгу, которая называется «Вызов экуменизму». В этой книге он очень детально рассмотрел, какие есть формы разных взаимоотношений и я с радостью предоставляю ему слово.

Диакон А. Кураев: Я думаю, что первое, что надо держать в уме при общении с людьми православной церкви — это то, что только человек, богословски неграмотный, может позволять себе фразы типа «отношение православной церкви к такому-то феномену», «мнение православной церкви по такому-то вопросу». Дело в том, что от имени церкви в целом может говорить только Собор. Когда, скажем, меня спрашивают, а что православные думают о сказках про Гарри Потера, я говорю: вы знаете, много чести для Гарри Потера, чтобы церковь о нем что-то думала. Речь может идти о моей позиции, о позиции какого-нибудь другого богослова или публициста.

Лично я могу начать вою речь фразой «учение православной церкви» только в том случае, если я дальше буду цитировать Символ Веры, в остальных случаях я должен буду говорить аккуратнее: по учению святого Иоанна Златоуста, по мнению святых отцов, по оценке какого-то богослова, по моему мнению. Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что никто из сидящих не является сейчас официальным представителем нашей церкви. Что касается отношения к диалогу, я думаю, что мы согласны в том, что никто из нас не считает прозелитизм грехом. То есть для миссионера это естественная позиция.

У меня есть серьезная претензия к современному кодексу права, в том числе и в России, и в западном мире. Поскольку в России сказано, что запрещается проповедь религиозного, межрасового, национального превосходства. Про национальные отношения я сейчас не хочу говорить. Но жизнь религиозного человека, мне кажется, немислима без ощущения превосходства своей религии. У меня такое ощущение, что мир религии — это мир человека. А люди — это не компьютеры, у них есть сердце, а не только разум. Наиболее развитые религиозные традиции мира как раз говорят о том, что Бог — это не предмет веры или послушания, а предмет высшей любви. А любовь это чувство предпочитающее и избирающее. Когда студент Ваня делает брачное предложение студентке Тане или Маше, то он тем самым оскорбляет всех остальных студенток. Потом для девчонок это еще на полгода предмет для сплетен: что он в этой Машке нашел, чем она лучше нас. А для влюбленного Вани это действительно «никто не сравнится с Матильдой моей». И так же для религиозного человека — он влюблен в своего Господа. И в таком священном и высоком эротическом безумии он готов об этом кричать с каждой крыши на каждом перекрестке. И поэтому я считаю, что это очень бесчеловечно то, что современное право запрещает людям признаваться в своих чувствах. Мне кажется, логичнее было бы в праве разрешить людям такого рода признание. Более того, законодательство, напротив, должно было бы зафиксировать право людей на защиту своей веры и своей позиции и на критику убеждений других людей. Но при одном условии: что, критикуя святыню другого человека, ты и свою святыню открываешь для критики. Своеобразие ситуации сложилось в связи с проникновением неоиндуистских групп в западную культуру. Проблема в следующем: структуры религиозного мышления, характерные для индийской религиозной культуры, имеют одну особенность, которая когда-то была характерна и для западной.

Но которая была утрачена позднее, под влиянием христианства. Я имею ввиду теологический инклюзивизм. С точки зрения индуизма или буд-

дизма не бывает ложных богов, то есть при встрече с другой религиозной традицией, боги, почитаемые в данной местности, объявляются частным проявлением божества, которое исповедует миссионер. По этому принципу действуют проповедники индуизма, которые проповедуют в Индостане племенам, которые ничего не знают о Ведах. Местные божества или объявляются вторичными божествами в пантеоне той религии, от имени которой ведется миссия (в данном случае ведической) или же высшее Божество племени объявляется инобытием Бога, единого изначального Бога, от имени которого говорит миссионер. Соответственно в рамках индийской культуры происходило взаимное обращение Будды в религию вайшнавов и Кришну буддисты точно также объявляли одним из воплощений Будды. Но для библейского эксклюзивистского мышления, такая тактика является чем-то новым и неприемлемым. С другой стороны, здесь есть расхождение в реакции на такой стиль проповеди между людьми действительно библейской традиции, то есть людьми, которые живут религиозной жизнью, и светской интеллигенцией западного мира, то есть светски настроенные люди, когда начали слышать такого рода заявления из уст прежде всего теософов, а позднее различных неоориентальных культов, то светские интеллигенты увидели в этом удивительное проявление терпимости и открытости. Но для и именно в таком качестве презентуют эту свою миссионерскую позицию проповедники неоиндуизма в западном мире. То есть здесь происходит некая сознательная адаптация к ценностям принципам секулярного западного общества. Но в то же время, с точки зрения религиозных людей запада, напротив, эта позиция, скорее, неидеологичности и нетерпимости. Для христиан, эта позиция, когда Христос — это один из адептов Будды или Кришны, или гималайских Махатм. Для христиан это выглядит как кощунство, как кража нашей святыни, как попытка приватизировать нашу святыню и заставить ее служить для пропаганды совсем другой системы ценностей. Вот отсюда и разница в реакции у светской прессы, университетских кругов Запада и России на неоориентальные группы и другой, более полемической, реакции со стороны христиан.

Д-р Р. Гупта: Я благодарю Вас за очень ясное объяснение Ваших взглядов на межрелигиозный диалог. Если Вы позволите, я хотел бы сказать несколько слов с моей, тоже частной, точки зрения.

Диакон А. Кураев: Я бы хотел добавить, что я еще ничего не сказал о взгляде на межрелигиозный диалог.

Д-р Р. Гупта: Вы хотите продолжить или мне можно ответить? Я хотел бы на это посмотреть с двух точек зрения. С одной стороны — как уче-

ный, который исследует индуизм и особенно вайшнавизм, и, с другой точки зрения, которую я могу изложить как последователь этой традиции.

Диакон А. Кураев: Нам сразу хотелось бы уточнить, какую именно традицию Вы представляете, т.е. какая личная религиозная позиция?

Д-р Р. Гунта: Чайтанья-гаудия — вайшнавизм. Я родился в семье традиции Сознания Кришны, Чайтанья-вайшнавизм. Мои родители и мои бабушка, дедушка, — тоже представители традиции Харе Кришна. Там, в Индии, до того, как эта традиция перешла на Запад. Это очень важное и интересное замечание отец Андрей сделал, что восточные традиции и традиции индуизма относятся к встрече с другими традициями, когда отец Андрей говорил об инклюзивизме. И это приводит к конфликтам или напряженности во взаимоотношениях, потому что как вы сами сказали, такой подход к проповеди или взаимоотношениям заставляет чувствовать христианскую сторону, что их святыни пытаются использовать, эксплуатировать для целей другой традиции и их просто поглощают. И это именно чувство разделяют представители других западных традиций, в том числе христианство. Помню я присутствовал на таком религиозном диалоге, это было в Бирмингеме, в Англии, и ту же самую позицию озвучил представитель одной из христианских общин там. И, может быть, вы позволите, я попытаюсь очень коротко объяснить богословские предпосылки или философские предпосылки, которые ведут к появлению такого инклюзивизма со стороны традиций восточного толка. Большинство последователей индуизма не придерживаются этого взгляда для того, чтобы поглотить или обокрасть святыни религии, с которой вступают в контакт. Просто само по себе представление об этом инклюзивизме очень глубоко находится буквально в крови философии и культуры Востока. Потому что последователи индуизма видят весь мир как проявление божественности и проявление славы и могущества Бога. Поэтому, разумеется, они имеют ясное представление о том, что Господь трансцендентен, и они также имеют представление об имманентности Бога одновременно с этим. Поэтому естественно, когда они встречаются с проявлениями религиозности в других формах других традиций, то у них возникает естественное желание видеть в этом проявление божественности того изначально единого Бога, которому они поклоняются, потому что последователи индуизма убеждены, что богатство Бога, Его величие, Его слава проявляются по-разному в разных традициях, в разных сферах жизни и наша обязанность, как людей, желающих идти по духовному пути, — видеть проявление божественности во всех сферах жизни. Потому что для любого человека, мы сейчас говорим о человеке вообще, естественно пытаться объяснить все, все не-

понятное, все новое, все, может быть, даже чуждое в терминах того, в понятиях того, с чем он обычно имеет дело, что ему знакомо. И, например, когда индиец, индус в данном случае, потому что индиец это национальное понятие, а индус религиозное, потому что, когда индус встречается с христианином, то первый вопрос, который у него возникает: “А как я могу понять проявление именно этой религиозности с точки зрения того единого Бога, который или божественной сущности, которого я знаю и которому я поклоняюсь”. Пример, который привел отец Андрей о любви между юношей и девушкой очень хорошо подходит для этой темы, потому что индусы, особенно вайшнавцы, согласятся, что основой любой религии является любовь, особенно любовь к Богу в первую очередь. И знакомое последствие влюбленности, которое известно многим, в том, что когда человек влюбляется, он видит предмет любви повсюду. Например, когда такой влюбленный человек видит цветок, он думает, что цветок понравился бы моему возлюбленному или моей возлюбленной. Если он видит полную луну или закат, или восход, он видит все это с точки зрения своей любви. И можно сказать, что этот влюбленный человек молодой страдает особой формой инклюзивизма, пытается поглотить весь мир и увидеть через призму своей любви. Но, на самом деле, он это естественная психологическая реакция, она очень сильная, эмоциональная и для индуса, особенно для вайшнава, последователя вайшнавизма, весь этот мир представляет собой ту или иную форму проявления божественности. Он пытается понять, как именно этот феномен или объект связан с источником всего бытия — Богом. И как отец Андрей тоже сказал уже, что когда молодой человек влюбляется, то он слепнет к красоте всех других девушек, то есть никто уже, кроме объекта его любви, не может также воодушевлять, также вдохновлять, также удовлетворять. Это поглощающая привязанность сердца вполне здорова. Мы должны быть привязаны и питать эту привязанностью к Богу, которая представлена в священных писаниях. Но, по мере того, как любовь человека взрослеет и зреет, после этой горячей поры влюбленности, человек в идеале должен научиться понимать, видеть, различать и уважать проявления любви во взаимоотношениях с другими людьми. И я хотел сказать, что, конечно же, в начале эта любовь обладает определенным фанатизмом, что такой человек, как мы уже сказали, слепнет по отношению ко всей другой красоте и видит ее только в предмете своей влюбленности. Но по мере взросления, созревания такой любви может быть интенсивность не уменьшается, она остается по-прежнему такой же глубокой и горячей, но человек учится видеть ту же самую влюбленность, те же самые бескорыстные отношения у других людей. Он понимает: вот она любит его, он любит ее. Хотя при этом он не теряет верности к своей возлюбленной, он понимает, что

те же самые принципы бескорыстия любящих взаимоотношений действуют между другими людьми и он начинает уважать это и ценить. Он видит эти принципы повсюду и начинает... Поэтому я хотел бы предположить, что видимо по мере взросления в нашем собственном духовном пути, мы должны также научиться видеть, не теряя исключительное предпочтение к нашему объекту любви и служения, учиться ценить и уважать те же самые отношения к Богу в других традициях, потому что тот, кто по настоящему любит Бога, он сможет понять это и в других традициях, если он имеет ее сам.

Диакон А. Кураев: Вопрос здесь всё-таки немножко в другом. Естественно, когда человек любит сам, он понимает любовь других людей. Но, когда его жена объявляется общечеловеческим достоянием, вот здесь вполне законна негативная реакция. В марксистской литературе в 19 — начала 20-го века была идея обобществления жен. Понимаете, одно дело, если я вижу, что шиваиты любят Шиву, кришнаиты любят Кришну, а мусульмане любят Аллаха, - я все понимаю, я понимаю мотивы, слова, но когда они говорят, что, на самом деле, это твоя жена к нам приходит, она с тобой в воскресенье, а к нам приходит по пятницам и она называется другим именем, — здесь у меня появляются основания для несогласия.

Свящ. О. Стеняев: Я хочу добавить, что когда мне приходилось встречаться с представителями традиционных направлений в индуизме и в ламаистском буддизме, когда я беседовал во Вриндаване с доктором Капуром, я задал ему вопрос: чем отличается традиционный индуизм от неиндуизма? И он мне сказал, что одно очень существенное отличие, очень важное: традиционный индуизм не проповедуется людям других религий, других традиций, потому что человек должен родиться в традиционном индуизме и его каста сразу определит его положение в религиозной общине. Когда я ему сказал, что в России русских людей иницируют в брахманов, то доктор Капур удивился и спросил: а можно русского инициировать в грузина? Я с энтузиазмом отнесся к этой шутке. Когда я встречался с представителем далай-ламы на территории СНГ, ламой Деше Тенлеем, я тоже задал ему вопрос: чем отличается настоящий буддизм от необуддизма, (я спрашивал у него по поводу Аум Сенрике, секты, которая была у нас в Москве и действовала от лица буддизма), он сказал то же самое: те группы верующих, которые верят в реинкарнацию и карму, они считают, что если человек родился мусульманином, то это его карма и он должен оставаться мусульманином и стараться быть хорошим мусульманином, если человек родился христианином, — это его карма, он родился в христианской семье, он должен оставаться добрым христианином. И я спросил: если этот человек придет на

вашу лекцию, вы его примете? Он сказал, что недавно был в Бурятии, и традиционные буддисты спросили его, можно ли пойти слушать баптистских проповедников и лама посоветовал им: сходите, послушайте, если там будет что-то интересное для вас, что поможет вам стать хорошими буддистами, конечно идите, слушайте. И он сказал, если к нам придет христианин, чтобы послушать лекцию, если он будет делать это для того, чтобы стать лучшим православным, то это хорошо. Но, если он это делает для того, чтобы перейти (тут была шутка) из одного футбольного клуба в другой футбольный клуб, то это принесет целый ряд никому ненужных проблем. Поэтому, на мой взгляд, традиционный индуизм, который не знает прозелитизма и понятия грехопадения или, как доктор Капур мне объяснил, «выпадения из духовного мира». Он сказал, что обусловленная душа не может пасть, чтобы чтобы рассылать миссионеров по всему миру спасать эти падшие души. Поэтому, с моей точки зрения, христианский прозелитизм — он последователен. Наш учитель Господь Иисус Христос, когда оставлял этот мир, он послал учеников на проповедь. А прозелитизм, который действует от лица традиционного, в кавычках, буддизма, как это делал Сека Асахара, или индуизм, который проповедуется как традиционный Обществом сознания Кришны или Гаудия-матх, или какие-то шиваитские организации в Москве, то я не думаю, что это правильно. Скорее всего, это — имитация традиции. Сека Асахара любил фотографироваться с далай-ламой, когда я спросил зачем он с ним фотографировался? Мне сказали: далай-лама добрый человек, он со всеми фотографируется. Но это делалось из стратегических миссионерских каких-то целей. Общество сознания Кришны очень любит, когда из Индии к ним приезжают друзья — богословы, этнические индийцы, потому что в России они наталкиваются на непринятие их именно как традиционного индуизма. Много общаясь с кришнаитами и в России, и в Индии, я увидел интересную такую деталь. В Индии русский кришнаит может сказать, что в России — миллионы кришнаитов, (я не имею в виду господина Зуева, который всегда говорит правду), а в России этот же кришнаит заявляет, что в Индии — миллион сторонников ИСККОН, Международного общества Сознания Кришны, но, насколько я знаю, в Индии на ИСККОН смотрят как на белых слонов, на какую-то диковинку необычную. Когда Шрила Прабхупада привез американцев и они стали прыгать, петь маха-мантру, то для всех это было совсем необычное. Поэтому для нас очень важно понять: или мы общаемся с имитацией той или иной религии, которая может поддерживать свою имитацию действительно представителями индуизма, или индуизм начинает подстраиваться под христианскую традицию. Может быть, неоиндуизм — это ответ на христианскую экспансию. Я изучал историю

неоиндуизма, когда я был в Дели, я посетил офис организации Брахма-самадж и они мне объяснили, что неоиндуизм с его непохожестями на традиционный индуизм вышел из организации, которую создал Рам Мохан Рай в начале 19-го века, в 20-х годах, в Западной Бенгалии. После смерти Рам Мохан Рая эту организацию возглавляла династия Тагоров и один из лидеров этой организации был Бхактивинода Тхакур, он входил в организацию в Брахма-самадж, которая с самого начала декларировал свой синкритизм и свою непохожесть на храмовый индуизм. Брахма-самадж и движение Чайтаны — это разные вещи. Бхактивинода Тхакур посещал Брахма-самадж не только как литературный кружок. (Тогда в Бенгали собирались многие известные поэты.) Из Брахма-самадж вышел и Робиндранат Тагор. Но это была его (Бхактивинода Тхакура) религиозная школа и он этого никогда не скрывал. Из этой организации вышел также Вивекананда, возникло движение майявади Рамакришна. Организация Гаудия-матх — она не являлась с самого начала персоналистической организацией. Я очень интересуюсь этим вопросом: когда персонализм стал доминировать в неоиндуизме над духом майявади. Потом был Сарасвати Тхакур, потом Абхай Чаран Шрила Прабхупада, был разрыв между Бхактивинодой Тхакуром и Сарасвати Тхакуром, потому что Сарасвати Тхакур инициировал себя сам перед портретом своего учителя Бабаджи Гауракишора. Для нас это тоже очень странно. И мой вопрос будет такой, у меня будет два вопроса: признаете ли вы то, что есть отличие, очень принципиальное отличие традиционного индуизма, который не стремится проповедовать сам себя, от неоиндуистских религиозных групп-сект, который сейчас очень активно действуют в западном мире? И второй вопрос: как, на Ваш взгляд, если Вы являетесь сторонником персонализма в индуизме, произошло размежевание между майявади и персонализмом? Это мои два вопроса.

Д-р Р. Гупта: В начале я отвечаю на замечание отца Андрея, потом — на Ваши. Поскольку я получил теологическое образование и философское, поэтому мне очень нравится определять какую-то аналогию, все глубже и глубже обмениваясь мнениями, потому что это интереснее всего. Потому что мне кажется, что именно в этом моменте, когда отец Андрей сказал «о жене по пятницам и субботам», мы должны понимать отличие между Богом, божественным и человеком, потому что, если обычная жена начинает встречаться со многими мужчинами, то ее переименовывают в проститутку, а Бог, в отличие от гулящей женщины, может иметь индивидуальные взаимоотношения с каждым из нас. Именно этим Он принципиально отличается от человека. Потому что Бог присутствует во всей своей полноте не только в ка-

кой-то религиозной традиции, но и Он может присутствовать в жизни конкретного человека и это Его прерогатива, то есть Он может стать собственностью человека, то есть он (человек) может сказать: « это мой Бог». Поэтому в вайшнавском представлении Бог может быть полностью и всецело вашим и, в тоже время, полностью и всецело моим одновременно. И если это кажется непостижимым, противоречивым, это потому, что так есть. Именно в этом проявляется всемогущество Бога, в этом проявляется мистика Его любви. Потому что Он может поддерживать личные взаимоотношения с каждой личностью на этой земле. Именно поэтому любовь Бога безгранична, а наша способность любить ограничена.

М. Осипов: Если позволите, я добавлю. С большим любопытством я читаю труды отца митрополита Антония Сурожского и недавно я прочитал его беседу на тему божественной любви, где он говорил о том, что мы не имеем права уравнивать людей по отношению друг к другу и говорить, что они в чем-то похожи, их взаимоотношения с Богом, потому что он буквально повторил перефразированное положение из вайшнавской философии, что у каждого из нас вечные абсолютно индивидуальные и уникальные отношения с Богом и никогда они не меняются, они наполняют полностью каждого из нас.

Диакон А. Кураев: У меня такой вопрос к Вам, Максим и к Сергею. Нет ли у Вас поправок к тому, что сейчас господин Гупта сказал?

М. Осипов: Поправок по отношению к чему?

Диакон А. Кураев: Ну вот последний фрагмент его речи о том, что Господь может всецело полностью присутствовать в жизни одного человека, а также в жизни другого человека.

М. Осипов: Может быть, я могу дополнить это немного, если позволите. В нашей вайшнавской философии человек по милости Бога, благодаря Его всемогуществу, не благодаря своим способностям объять Бога, вовсе нет, но благодаря могуществу и милости Бога, он может всецело быть счастливым взаимоотношениями с Богом в своей жизни. Именно в этом, видимо, доктор Гупта (я могу спросить у него, если хотите) видит полноту проявления божественности.

Д-р Р. Гупта: Возможно, я поясню, что я имел в виду более подробно. В Ведах содержится описание танца Кришны с Его возлюбленными. Это хоровод.

Диакон А. Кураев: Мы знаем. Но вопрос вот в чем. Это фундаментальный вопрос религии. Допускаете ли Вы, что Бог всецело реализует себя в своих эманациях и откровениях. Или все же сохраняется трансцендентность Бога?

Д-р Р. Гупта: Поскольку Господь безграничен, то нет даже и вопроса о том, чтобы Он полностью себя открыл, потому что он всегда оставляет за собой как бы все остальное. Господь готов себя проявить, но наша способность понять Его ограничена.

Диакон А. Кураев: Можно ли так расценивать Ваши слова, что Бог во всей своей полноте присутствует в жизни отдельного человека?

Д-р Р. Гупта: Господь готов дать себя всецело во взаимоотношениях с нами, но мы не готовы полностью принять.

Диакон А. Кураев: Значит, мы эту форму снимаем, как неаккуратную. Дело в том, что с христианской точки зрения имеет право на существование, но только с одним ограничением. Апостол Павел говорит о Христе именно такими словами : в нем обитала вся полнота плерома — божества по-гречески телесно. Это возможно именно в силу ипостасного личного тождества Бога и Иисуса.

Д-р Р. Гупта: Похоже, эта проблема присутствует в неправильном понимании. Имеется в виду, что Господь готов вступить со своей стороны во взаимоотношения с нами, он готов проявить себя именно в полноте наших взаимоотношений, но это не значит, что я становлюсь воплощением Бога, что Бог присутствует во мне во всей своей трансцендентности.

Свящ. О. Стеняев: Слово «всецело» — оно недопустимо здесь.

Д-р Р. Гупта: Другими словами, «всецело» имеется ввиду (может быть несоответствие терминов, особенно с моим неумелым участием — дополнение Максима Осипова), когда мы вступаем во взаимоотношения с Богом, Господь может даровать нам полноту своей божественной любви и мы можем ответить Ему, если, соответственно, обретем соответствующие качества для этого. Например, если Вы утверждаете, что Христос является полным проявлением Бога, то никто из вайшнавов никогда этого о себе не скажет ни в коем случае.

М. Осипов: То есть примером может быть, я приведу из ваших священных писаний, где Господь сам говорит о том, что он характеризует свои взаимоотношения со своими чистыми преданными (не совсем удачное слово

на русском языке, ну, скажем, двойное) или верующими. Он говорит о том, что, если человек развивает чистую, беззаветную любовь ко Мне, бескорыстную и всеохватывающую, то Я не знаю никого, кроме него, он не знает никого, кроме Меня. Я нахожусь в его сердце, он находится в Моем. Вот об этой эмоциональной доминанте, не онтологической.

Отец Андрей, я хотел попросить, что если Вы слышите что-нибудь подозрительного фонологического, нефилософского, то можете попросить меня более корректно переводить, так как я уже сказал, что у меня нет опыта перевода межконфессионального диалога.

Диакон А. Кураев: Отсюда следующий вывод для меня. Мы с вами входим в сферу личностного божественного волюнтаризма. То есть если для традиции майаведы, адвайты, для них — Бог по необходимости, по природной необходимости присутствует в природе и в людях, то для персоналистических школ богословия Бог входит в мир по свободному решению Своей любви. Для меня здесь следует вывод как раз как бы узнать, где эта любовь она открыла себя частично, потому что я думаю, любой из нас признает возможность частичных откровений. А где более полно или даже всецелое дарение Бога Себя — людям? Я думаю, что именно здесь и будет пространство для естественного несогласия. Вы прекрасно знаете, что очень многие западные и христианские исследователи индийской культуры говорят, что «Бхагават-Гита» — это индийское Евангелие. Но при этом эта схема с христианской точки зрения выглядит так, что Господь грекам дал философов, евреям — пророков, а индусам — «Бхагават-Гиту». Но и там, и там, и там — это ступени для того, чтобы в конце концов принять полноту христианских Евангелий. Насколько я понимаю, ровно такое же отношение будет и со стороны вайшнавов. Евангелие — Бхагават-Гита для европейцев. Это некая подготовительная ступень для того, чтобы принять со временем более полное откровение, которое, конечно же, адепты Общества Сознания Кришны видят в своих сакральных текстах. Так что, поэтому, Ваш изначальный тезис о том, что мы видим одни и те же экзистенциалы, одни и те же сущностные проявления религиозной любви в разных религиях мне представляется, что этот тезис все-таки немного маскировочный, потому что мы и в самом деле похожи в том, что у нас у обоих есть свое представление об иерархии откровений, но в этой лестнице откровений мы, конечно, на разные ступени ставим различные сакральные тексты. И вот с этим и будет связано принципиальное поле для нашей дискуссии.

М. Осипов: Если позволите, отец Андрей. Я немного, в силу необходимости, изучал именно православные (не могу сказать, что изучал право-

славное богословие — слишком мало времени проводил в исследованиях), но мой опыт общения со священными христианскими текстами говорит о том, что у Вас есть очень ясное определение и любви, и ее проявлений. Скажем, апостол Павел, если не ошибаюсь, в послании к Галлатам, говорит о плодах любви, о плодах Духа Святого. Он говорит именно поскольку необходимость была видимо в том, чтобы людей, которым он проповедовал и обращался, предостеречь от неправильных проявлений того, что может казаться божественностью или духовностью, и — правильных. И он дал четкие критерии, с которыми мы, вайшnavы, полностью согласны. Может быть, это могло бы стать предпосылкой, некоторым стандартом, по крайней мере определением, где любовь содержится и проявляется. Он говорит, что плоды Духа Святого — это долготерпение, целомудрие, смирение,..Вы можете их перечислить лучше, чем я. Потом идут плоды плоти: похоть, алчность и т.д. И вот именно это, с моей скромной точки зрения, может стать основой или хорошим мериллом, или критерием для того, где, по крайней мере, божественная любовь проявляется. Прежде, чем мы говорим о степени ее проявления. Потому что, прежде, чем мы говорим о степени проявления божественной любви, мы должны определиться с критериями, а что это такое, чтобы не перепутать зерна с плевелами. И видимо тогда уже мы можем говорить, что степень проявления божественной любви может также, не обязательно только этим, отчасти измеряться тем, насколько та или иная традиция, скажем, даже лучше жизнь последователей или святых в той или иной традиции проявляется эти конкретные качества, в какой степени. Это будет одним из возможных критериев измерения степени проявления божественного откровения в той или иной традиции.

Диакон А. Кураев: Верно, и как раз по этому принципу я построил свою книгу «Дары и анафемы». Там я предложил как раз сравнивать разные религиозные традиции по тому, как они понимают божественную любовь. В частности, предполагается ли, что любовь Бога к людям имеет гностический характер, гностическое проявление?

М. Осипов: А под гностическим проявлением что Вы понимаете, чтобы я мог подробно объяснить?

Диакон А. Кураев: Речь идет о том, что главное действие божественной любви — это то, что он дает подлинное божественное знание.

М. Осипов: Под знанием имеется в виду некоторая интеллектуальная осведомленность?

Диакон А. Кураев: Нет, не только. Гносис — это более глубоко.

М. Осипов: А что именно, чтобы я мог объяснить, потому что православное богословие значительно отличается от католического?

Диакон А. Кураев: Доктор теологии должен знать этот термин-гносис. Или же любовь Бога к людям носит не только гносеологический, но и онтологический характер? И тогда Бог входит в мир людей для того, чтобы себя дарить и раздать. И тогда Он становится не только Учителем, но жрецом и жертвой одновременно. Бог — и жрец, и жертва одновременно. И Бхагават-Гита все-таки еще стоит на гностических позициях, которая может иметь параллель с Богом ветхозаветных пророков, а вот в Новом Завете уже проявляется следующий шаг схождения Бога к людям.

Д-р Р. Гупта: Именно здесь особый голос приобретает традиция чайтаннизма, или вайшнавизма Чайтаньи, как полноценная и самостоятельная традиция. Потому что гаудия-вайшнавизм или Чайтанья — вайшнавизм считается, что в образе Господа Чайтаньи Махапрабху Бог, сама Верховная Личность Бога, является для того, чтобы научить жить жизнью любви к Богу. Он становится преданным Сам, он становится священником или жрецом, как Вы сказали. Конечно, в индуизме есть понятие аватар, когда Господь является в этот мир, чтобы одарить своей любовью всех, кто здесь пребывает, дать знание о себе, но у гаудия — вайшнавов положение аватары гораздо более глубокое, нежели в широком контексте индуизма. Господь принимает форму своего собственного верующего, своего собственного последователя, чтобы научить нас, как любить Его.

Диакон А. Кураев: Если можно, объясните мне слово «форма».

Д-р Р. Гупта: То есть он принимает образ человека, который появляется среди нас как человек. Находясь среди нас Он учит, как быть настоящим верующим и последователем Бога.

Диакон А. Кураев: Дело в том, что доктор Гупта — он очевидно имеет представления о христианском богословии, об истории христианского богословия, поэтому я вновь придираюсь к словам. Все, что было сказано до сих пор — образ человека, как бы человек, — это все из области как бы докетизма.

М. Осипов: Я не знаю, что такое докетизм.

Диакон А. Кураев: Это от греческого глагола *dokeo* — казаться. Это раннехристианская спиритуалистическая ересь, которая полагала, что в образе Иисуса Бог казался человеком из педагогических целей, но на самом деле, человеком он не стал.

Д-р Р. Гупта: Я понимаю, что в христианской теологии Иисус Христос считается одновременно полностью Богом и полностью человеком одновременно. Он умирает на кресте, как умирает человек. Я должен сказать, что в нашем вайшнавском вероучении у нас нет соответствующих параллелей умирающему Богу. То есть с нашей философской точки зрения, Бог приходит сюда в облике человеческом, но он не принимает вот этого тела из плоти и крови, которое имеется у нас, то есть Его тело нематериально, оно всегда духовно, с нашей точки зрения.

Диакон А. Кураев: С христианской точки зрения, с точки зрения той иерархии ценностей, которую мы с вами определили как общую, мне представляется, что такая докетическая позиция она, оказывается, с моей точки зрения она означает, что любовь до конца не дошла. С этой точки зрения у вас получается, что любовь Господа к людям не сделана богочеловеком. Отсюда следующее, быть может, важнейшее различие между нами. Я прекрасно понимаю логику, которую ваша теология вайшnavов не принимает такой тезис. Дело в том, что все индийские религиозные традиции, начиная с Упанишад, предлагают в качестве сотереологического Идеала все эти учения постведические предлагают в конце концов деконструкцию человеческого феномена. Предполагается, что человек — это некий космический скандал, это сочетание материи и божественной частицы и это мезальянс, это неравный, недолжный брак. И вот эту скандальную кентавричность человека, эту скандальную смесь — её надо разобрать на исходные компоненты. В буддизме это приводит к полной деструкции человеческой личности, и индуизме это приводит к сепарации по крайней мере на два уровня — на абсолютный Атман, то есть эта позиция означает, что будет спасено, то что не может не быть спасено. Соответственно, в классическом индуизме, если мой Атман есть Брахман, то он просто не может избежать соединения с Брахманом и когда-нибудь это обязательно должно быть. Все остальное — тело и частные индивидуальные мои психические облики, — это должно быть отброшено как отработанный кармический мусор. Вот для христианской традиции очень важны слова Христа: «Я всего человека исцелил». И, соответственно, человек, и в своей индивидуальности, и в своем своеобразии, и в своей телесности, он должен войти в божественную вечность. То есть это вопрос о том, до какой глубины Бог входит в мир людей. Это вопрос о том, что значит человек перед лицом вечности? Смотрит ли Господь любящим взглядом только на мою душу или и на мое тело тоже, и на мою целостность? И отсюда будет понятно, почему в частности, христианство не может согласиться с идеей реинкарнации. Но поскольку вы упомянули традицию, связанную с учением

Шри Чайтаньи, это означает, что мы возвращаемся к вопросу отца Олега, к вопросу о связи традиций, бытовавших в течении многих веков в Индии и Движения Международного Общества Сознания Кришны.

Свящ. О. Стеняев: Это два вопроса. Они были заданы.

Д-р Р. Гупта: Если Вы позволите, я бы хотел предложить одно небольшое смиренное исправление того, что сказал отец Андрей и, затем, мы могли бы вернуться к разговору с отцом Олегом.

Диакон А. Кураев: Это заставит меня задать вопрос, как понимается смирение в традиции вайшнавов — это очень интересный вопрос.

Д-р Р. Гупта: В индуизме мы понимаем под личностью не тело и душу вместе, понимается только душа, а тело является внешним покрытием души. И когда мы говорим, что Бог любит нас полностью, Он тело любить не должен, потому что тело — не мы, поэтому любить его незачем. Это очень естественно для нас считать, что Господь полностью проявляет свою любовь именно в какой-то нашей традиции. Поэтому мы спорить не собираемся, потому что мы с этим уже огласились. То есть, если мы вместе с этим согласны, что Господь может по крайней мере частично проявиться в другой традиции. Я соглашаюсь с тем, что Господь хотя бы частично может проявиться в другой традиции. И то различие, которое подчеркнули сейчас, по поводу расхождения взглядов на сущность человека: воспринимать себя как мезальянс между душой и телом, просто как душу, или как комбинацию неотъемлемой гармонии между тем и другим, — это как раз то различие, которое мы должны принять и не пытаться закрывать на него глаза.

Ведущая: А можно уточнение? Мне хотелось бы услышать, что такое человек, скажем так. Индуистская антропология, что есть человек в индуизме?

Д-р Р. Гупта: Прежде всего, последователи индуизма утверждают, что вся жизнь имеет в основе своей духовность, она не является материальной. И поэтому, если мы переходим к человеческому, то это означает, что душа имеет некую временную оболочку, определенным образом скроенную. Аналогия, которая приводится в Ведах, это не риза, но это одежда. Похоже, я сажусь в машину определенного типа и еду в ней.

Свящ. О. Стеняев: Вы согласны с тем, что это последняя одежда перед стартом на Кришналоку? Или же Вы допускаете мысль, что человек может попасть на Кришналоку с положения обезьяны, осла, дерева. Обусловленная душа — атма- проходит разные степени реинкарнации. Ваше уче-

ние останавливается четко на человеке, как на той стадии, после которой реинкарнация может прекратиться. То есть хотите Вы или нет, Вы не останавливаетесь там на стадии рыбы, давайте, я буду в этой жизни прыгать, может стану обезьяной и полечу на Кришналоку. Вот с этой точки зрения человеческой платформы вы начинаете постигать Бога, начинаете искать Его. Поэтому, то, что говорит отец Андрей, имеет огромное значение. Бог становится человеком, чтобы человека сделать Богом. Но если он не становится в настоящем человеком, то человек не сможет быть объят по-настоящему божественной любовью. Бог Гиты — это не творец души. Бог Гиты — это и не творец человеческого тела, личности как таковой. Гита учит, что Бог — это вечный попутчик человека. Кришна говорит Арджуне : «Не было такого времени, когда бы не существовало моего Я и твоего я». Также в Гите сказано, что душа не творится, она всегда была, она всегда будет, она не будет сотворена, поэтому Бог Гиты — не творец, он — попутчик и отличие Кришны от Арджуны следующее: Кришна говорит: Я помню все свои жизни, а ты не помнишь ни одной. Получается, что отличие заключается в том, что он может использовать некий потенциал того, что было, а самое серьезное противоречие Гиты, если Арджуна, как обусловленная душа, существовал вечно, то возникает вопрос, если вечность прошедшая не привела Арджуну на Кришналоку, то что может сделать вечность грядущая? И тут индусы мне говорят: вечность циклична: Брахман выдохнул, Брахман вдохнул. Русский философ Соловьев Владимир называл такую бесконечность «дурной бесконечностью». Все повторяется, даже Бог ничего не может изменить. Опять будет поле Курукшетра, опять будет диалог Кришны с Арджуной. Это замкнутая сама на себя бесконечность, которая не подчиняется ни Богу, ни сама себе. Это и есть майвади в вашем персонализме.

Д-р Р. Гунта: Я, к сожалению, должен констатировать, что Вы неправильно поняли очень многие аспекты вайшнавской философии. Кришна утверждает обе вещи в Бхагават-Гите, он говорит о том, что Он — источник материальных и духовных миров. Он говорит Арджуне: одновременно с этим, что ты вечно существуешь, так же, как и я. Сама по себе вечность живого существа или души в представлениях вайшнавизма, еще не гарантирует ему освобождения. Освобождение приходит только тогда, когда душа научается или обретает способность отказаться от связи с материальным и обретает связь с духовным. Арджуна всегда останется крошечной частицей духа, потому что он таким является вечно, в то время как Бог — Он Абсолютная Личность, Он — безграничен. Между ними есть всегда принципиальная разница. Арджуна обладает ограниченным знанием, а у Господа знание безгра-

нично. Именно поэтому Арджуна забывает, а Кришна помнит. Но оба они вечно сосуществуют, но один из них является источником другого, потому что один зависит от другого во всем.

Свящ. О. Стеняев: Если Бог зависит хотя бы в чем-то от Арджуны, то речь идет не о Боге.

М. Осипов: Нет, речь идет о том, что Арджуна зависит от Бога.

Свящ. О. Стеняев: Вы сказали, что они зависят друг от друга.

М. Осипов: Я просто, может, быть, оговорился, потому что он этого не сказал, это моя ошибка.

Свящ. О. Стеняев: Мне кажется, ошибаетесь не Вы, а оксфордское богословие — оно слишком секуляризированное.

М. Осипов: Речь о взимозависимости не идет.

Ведущая: Может быть, Вы переведете еще раз?

Д-р Р. Гупта: Да, речь идет о том, что Арджуна зависит от Кришны, а Кришна независим.

Свящ. О. Стеняев: И все-таки, Бхагават-Гита, 2.12: «Никогда не было так, чтобы не существовали Я, ты или все эти цари и никогда не будет так, что бы кто-нибудь из нас прекратил свое существование». Получается так, что ни жизнь Арджуны, ни жизнь этих царей не зависит от Кришны. Всегда существует Кришна, всегда существуют они. Теперь Бхагават-Гита, 2.16, они взаимосвязаны. Здесь уже говорится о следующем: «те, кто видит истину, заключили, что несуществующее материальное тело преходяще, а вечная душа не претерпевает изменений». Вот соедините эти два текста и попробуйте мне дать какое-то объяснение. Еще последний текст, это 2.20: «Для души не существует ни рождения, ни смерти. Она никогда не возникла, не возникает и не возникнет. Она нерожденная, вечная, всегда существующая изначально». Если Кришна не является творцом души, не является творцом тела, то Кришна — не Бог.

Д-р Р. Гупта: Я объясню, как эти три высказывания читаются вместе, используя одну аналогию. И эта аналогия взята из самих источников индуизма, это не мое изобретение. Это пример Солнца. Бог похож на Солнце, а мы — его лучи. Существование Солнца автоматически подразумевает существование его лучей...

Диакон А. Кураев: Мы же с вами полчаса назад договорились, что мы не будем идти пантеистическим путем. Солнце испускает лучи по природной необходимости. Господь создает жизнь космоса по свободному своему решению.

Д-р Р. Гупта: Если Вам не нравится аналогия с Солнцем, мы от нее тоже можем отказаться. Я могу объяснить, не прибегая к аналогиям, которые имеют свой предел использования.

Диакон А. Кураев: Нет, мне бы хотелось услышать те аналогии, которые Вы считаете наиболее уместными.

Д-р Р. Гупта: Я вовсе не подразумеваю, что Бог и мир — это одно и то же, поэтому я не толкую сейчас о пантеизме. Я просто использую сейчас здесь логический инструмент, чтобы объяснить то, о чем идет здесь речь.

Диакон А. Кураев: Дело не в этом. Для нас все равно вайшнавская теология находится под подозрением: а действительно ли вы порвали с пантеизмом Упанишад? Или в чем-то вы перерезали какие-то нити, а какие-то — нет? Несколько раз в ходе нашей беседы мы вот за это цепляемся.

М. Осипов: Все, что вы упоминаете об индуизме, отец Олег и отец Андрей, сразу подталкивает нашего уважаемого собеседника углубиться конкретно в ту тему, которую Вы затрагиваете. Поэтому он путается даже в том, с чего начать.

Свящ. О. Стеняев: Он когда-нибудь видел русскую матрешку — спросите его.

М. Осипов: Русская матрешка — в переводе не нуждается.

Д-р Р. Гупта: Мы можем с Вами по пантеизму отдельный диалог провести.

Диакон А. Кураев: И всё-таки вопрос: Кришна является творцом индивидуальной человеческой души?

Д-р Р. Гупта: Бог и мы, как вечные индивидуальные души, сосуществующие вечно, но в то же самое время Бог — источник нас. Поэтому Он — творец. Это действует так и это можно понять, если вспомнить о том, что Бог находится за рамками времени. Поскольку Господь выходит за рамки времени, время также относится к Его творению, поэтому все, что относится к Богу, имеет вечную природу. Мы не можем сказать, что в этот конкретный момент времени Бог сотворил мир, потому что Бог находится вне времени.

Несмотря на то, что он существует вечно и мы вместе с ним, Он — творец, а мы сотворены им. Творение одновременно является частью Бога и в тоже время Господь полностью находится за пределами творения. Бог — более, чем творение. Он не сводится к творению.

Свящ. О. Стеняев: По поводу матрешки. Дело в том, что многие вопросы взаимосвязаны, потому естественно, они цепляются один за другой. Мы пытаемся найти ту часть в вашем мировоззрении, где дальше уже не будет этого движения, разных мыслей, аргументов — тот атом от которого мы можем отталкиваться. Мне кажется, ваша проблема заключается в том, что вы не постигли, какое главное свойство есть у Бога. Качество, свойство. То есть надо найти тот камень, который уже не дробиться. И проблема заключается в том, что вы не понимаете главные качества и свойства Бога. Это не любовь. Бог не только любвеобилен, он и правосуден. Он милосерд и справедлив. Он может проявлять гнев. Единственное качество, которое выражает все свойства Бога — это вера в Его единство. Когда мы читаем Ветхий Завет, мы видим, что главная заповедь Ветхого Завета (следует текст на древнееврейском языке) : «слушай, Израиль, Господь Бог твой един». Если у Бога есть вечный попутчик, хотя бы один, я не говорю обо всех обусловленных душах, который не разделяет с Богом Его сущности, то речь идет не о Боге — творце. Поэтому мы вправе говорить о проблемах, связанных с политеизмом.

Диакон А. Кураев: Если можно, я бы хотел дать Вам возможность уйти из-под этого упрека. У меня первый вопрос: Бог как вне времени — обладает ли Он там свойством личностного бытия? Соответственно, Бог — вне времени, можем ли мы сказать, что он мыслит и у него и там есть атрибуты любви, мысли? Можете ли Вы сказать, что вне времени, вне знакомого нам кармического космоса Господь Кришна свободной волей своей вне времени положил начало существованию человеческих душ? То есть мы именируем проблему времени из отношений души и Бога. Вопрос в том, в каких причинно-следственных отношениях они находятся между собой — Единый Господь и множество душ?

Д-р Р. Гунта: Если мы устраним время из нашего рассмотрения, то мы согласимся с тем, Господь — причина нашего бытия.

Диакон А. Кураев: Вы не поняли мой вопрос. Можно быть причиной в двух смыслах. Первый: как, скажем, Солнце является причиной существования солнечных лучей. Это естественная необходимость. И второе, когда мое сознание — причина мысли, которые я создал и это мое желание, чтобы

эти мысли во мне возникли. Так вот опосредует ли решение свободное решение Господа, есть ли оно как причина существования человеческих душ? Или же это естественная эманация?

Д-р Р. Гунта: Это Его волеизъявление. И в Упанишадах очень ясно об этом сказано. Там говорится, что в начале был один сущий Бог. «Я стану многими, Я распространю Себя». Но мы должны понять с вами, что в нашей теологии, в нашем богословии, Господь, его взаимоотношения с миром, характеризуются принципом одновременного единства и отличия. Да, мы включены в Бога и в то же время Он находится вне нас полностью. В Бхагават-Гите Кришна говорит Арджуне: «да, ты вечно существовал и не было такого времени, чтобы не существовал ты или я» — это означает, что существование Арджуны включается в божественное существование. Арджуна входит в Бога, находится в этом божественном континууме. Но Господь совершенно отличен от Арджуны, это совершенно отдельная индивидуальность. Одновременно едины и отличны. Это одновременное единство и отличие называется непостижимым, ачинтья. Это фундаментальное таинство вайшнавизма. Именно так мы можем упомянуть или применить эти два высказывания Упанишад о том, что Господь становится многими и высказывание из Бхагават-Гиты, в котором говорится, что душа существует вечно и не имеет причины, не имеет начала, рождения, там говорится так. И различные цитаты из священных писаний утверждают, некоторые из них единство, а некоторые — различие Бога и человека.

Свящ. О. Стеняев: Проблема заключается в том, что религия Упанишад, религия Бхагават-Гиты — разные религии. Где были разные периоды эволюционирования религиозного сознания в Индии, где, кстати, Вам это должно быть известно, до сих пор существует пословица: в каждой деревне свой верховный бог. Это разные мифологические системы. В Индии нет конфессиональных мифологических систем. Все мифологические системы локальны вокруг храмовой мифологии. Каждый храм, священное место создает свою локальную мифологию.

М. Осипов: Это неправильно.

Свящ. О. Стеняев: Когда я был в разных храмах и спрашивал, кто верховный Бог, то понял, что в каждом храме — своя локальная мифология. Это связано, может быть, с древностью этих храмов.

Д-р Р. Гунта: Я понимаю, что человеку, приехавшему в Индию в первый раз, очень сложно разобраться в индуизме сразу и для него это может казаться такой пестрой картиной. Но то, что Вы говорите, совершенно не

имеет никакого отношения к правде. Есть абсолютно универсальные философские основы для всего индуизма, на котором он прочно основывается. И, конечно же, любая философия, любая религиозная школа развивается в течение времени, эволюционирует, как Вы сказали. Но ни один последователь индуизма не согласится с Вашим утверждением о том, что религия или философия Упанишад отличается от философии Бхагават-Гиты. Да, Господь проявляет с течением времени разные слои истины в разных писаниях в нашей традиции, но это Он делает планомерно, основывая свои новые откровения на предыдущих и поэтому они не противоречат друг другу. Для любого индуса, который знает эту традицию, Веды, Упанишад, Бхагават-Гита, Пураны — это монолитная система, которая не противоречит друг другу. И на самом деле, именно на эту тему, отец Олег, я должен Вам сказать, основные богословы, закладывающие целые направления, философские школы в индуизме, они проводят большую часть своего времени, комментируя священные писания, которые мы сейчас перечислили, чтобы доказать, как они не противоречат друг другу, как они умещаются в один богословский континуум.

Свящ. О. Стеняев: Все западные индологи-специалисты, включая таких восточных, как Радха Кришна Нан и ему подобные, четко говорят, что единственное, что объединяет всех индусов, это тот образ жизни, который описан в индийском эпосе Махабхарате и Рамаяне. Индуизм един только как образ жизни. Когда я писал книгу о кришнаитах, я относил ее господину Зуеву, господину Тунееву, господину Дагесу. След интересный момент, когда я решил все-таки проверить, насколько правильно мои друзья консультируют меня, я сходил к шиваитам и задал им те же самые вопросы. Они мне сказали, что есть понятие шрути и смрити. Шрути — это священное писание, то есть то, что на языке христианской терминологии обозначает непосредственно Слово Бога. Канонический текст. А смрити — это то, что слышит человек. Это соответствует греческому слову парадосис — т.е. предание, то, что передается от одного человека — к другому. Так вот уравнивать слово Божье, которое действительно трансцендентально, и от Негошло, с тем, как люди пытаются адаптировать это слово к своей жизни — это неблагочестиво. И я встречался в Индии с представителями разных школ, и я спрашивал: так что же вас объединяет? Вы все говорите по-разному. Они говорили: образ жизни. То есть эпические писания, — они как раз создали тот индуизм, который может обходиться без ведических текстов. В самом издании Бхагават-Гиты как она есть Шрилы Прабхупады, сказано, что Бхагават-Гита была дана людям с низким духовным развитием, несовершенным людям. Но в то же время, в самой Бхагават-Гите, Кришна, беседуя с Ар-

джунуой, говорит, что Веды были даны людям, которые пытаются с помощью обрядовой системы скрыть свое несовершенство. Получается, что у вас предание обвиняет писание, писание обвиняет предание. Такое противоречие в рамках единой религиозной системы невозможно. Индуизм — это разные религии и это надо понимать. Как Россия — она не сразу стала христианской, мы проходили разные этапы, у нас был языческий период, христианский период, коммунистический, безбожный. Сейчас мы переживаем возрождение христианства. Ни одна религиозная система не может абсолютно быть адекватна источнику. Христиане первого века и третьего века — они имели свое представление о многих вещах, хотя в главном они были едины. И теперешние христиане отличаются от тех, которые были до советских времен. Мы все стремимся выправить вот эти кривизны, но нереально закрывать глаза вот на то, что существует. Я хотел бы ответить на вопрос доктора Гупты, он спросил, все-таки какие отношения Бог имеет с людьми, которые нехристиане, то есть другой религии? Этот вопрос прозвучал с его стороны и я хотел бы на него ответить очень коротко. Есть общность духовной природы всего рода человеческого.

М. Осипов: Доктор Гупта хочет ответить на Ваше высказывание по поводу священных писаний. Но похоже, что этому конца и края не будет, потому что Вы хотите ответить на его вопрос, а он — на Ваш. (смех в аудитории)

Ведущая: Давайте я установлю очередность. Пусть сначала наш гость выскажется, а затем отец Андрей, а потом мы сделаем небольшой перерыв, чтобы операторы могли поменять пленку, мы могли бы выйти отдохнуть.

Д-р Р. Гупта: Очень коротко отвечу на Ваш вопрос. Я согласен, что в индуизме можно найти различные веры, верования и различные практики, ритуалы. Я уверен, что все вы знаете, что слово индуизм — это новомодное изобретение. Слово индуизм примерно появилось 500 лет назад, но распространение как термин получило только 150-200 лет назад и в основном как географический термин. Это термин, который используют для того, чтобы им можно было называть все то, что происходит по ту сторону, к Югу от реки Инд. Традиционно индуизм организован в виде сампрадаёй или духовных цепей преемственности, как вы знаете. Поэтому если Вы отправитесь, к примеру, к последователям шиваитов или последователям сампрадаёй вайшнавов, Вы заметите, несомненно, разницу между ними. Более того, они даже будут иметь друг с другом некий теологический спор. Но это не означает, что они не имеют общих основ, кроме образа жизни. Потому что, например, помимо образа жизни есть очень общие фундаментальные философские пред-

посылки, которые их роднят. Например, все индусы верят в реинкарнацию, все индусы верят в карму. Все верят в то, что есть одна изначальная или высшая духовная реальность. Все верят, что Веды — источник подлинного знания. Есть очень много других объединяющих вещей. Хотя, конечно, наверняка Вы можете найти какого-нибудь индуса, который с чем-то не согласится, но я говорю об общем. Что объединяет всех абсолютно. Я думаю, будет лучше, если мы будем говорить о какой-то конкретной школе в индуизме, чем говорить вообще. Нельзя объять необъятное. Кроме того, в самих писаниях слова индуизм нет.

Второй момент — смрити, о которых Вы сказали, они включают слова Бога непосредственно. Бхагават-Гита — это смрити, однако 90 процентов хинду скажут, что это слова Бога непосредственно. В Пуранах, например, также содержатся непосредственно слова Бога, которые считаются трансцендентным, непосредственным словом Божьим последователями соответствующих традиций. Я обещаю, что я не буду пытаться переносить свои собственные узко конфессиональные представления об индуизме на всю традицию. Когда я говорю об индуизме, я стараюсь, насколько я могу быть объективным и говорить о нем именно с такой точки зрения. Если я буду говорить о чем-то, что присуще только моей традиции, я Вам об этом обязательно сообщу.

Свящ. О. Стеняев: Насчет многообразия традиций в индуизме я хочу сделать заявление. Обо всем индуизме объективно могут говорить только те люди, которые не исповедуют индуизм.

Ведущая: Хочется тогда добавить, что о христианстве может говорить только тот, кто его не исповедует. (смех в аудитории)

Свящ. О. Стеняев: О разных христианских концепциях лучше может судить человек со стороны.

Д-р Р. Гупта: Я с этим не согласен, конечно же, но...

Свящ. О. Стеняев: Мне понравилось, что в начале разговора Вы похвалил именно православие.

У нас есть русская пословица «Со стороны виднее». Я думаю, нет смысла делать перерыв. Я предлагаю сделать следующее: пусть каждый из нас коротко выскажется, подводя итог нашей встречи, и на этом наша встреча будет считаться завершённой.

Ведущая: Мне не хочется заканчивать диспут, так как я предполагаю, что мои читатели спросят, каковы точки зрения самих кришнаитов, определения важнейших религиозных понятий в кришнаизме, потому что пока мы знаем об этом только из уст Дворкина.

И не могу сказать, что все православные не хотят узнать об этом. И я попрошу все-таки после перерыва, мне бы хотелось услышать от доктора Гупты ответы на некоторые вопросы, важные для православных.

Свящ. О. Стеняев: Я думаю, что первым по поводу мероприятия нужно высказаться господину Зуеву, потому что он первый позвонил мне, и сказал, что Вы приехали в Москву.

М. Осипов: То есть Вы хотите, чтобы мы сказали, что, по нашему мнению, является итогом этой встречи.

Свящ. О. Стеняев: Да.

Диакон А. Кураев: У меня было продолжение той линии, которая у нас была. Господин Гупта, отвечая на мои вопросы о причинной связи между Господом и душами, привел цитату из Упанишад. Можно ее еще раз повторить?

Д-р Р. Гупта: В начале был только один Сущий. И Он решил, хочу распространить Себя во многих.

Диакон А. Кураев: Но это ведь формула пантеизма. Формула креационизма была бы: пусть будут другие, чем я.

Д-р Р. Гупта: Я могу согласиться с одним Вашим утверждением, потому что, как мы уже говорили, мы одновременно едины с Богом, и одновременно отличны от Него. То есть мы имеем независимое существование и в то же время мы зависимы от него полностью. Вы можете думать, что это просто такая хитроумная уловка, чтобы избежать ответа на вопрос. Но на самом деле это не так. Именно в этом заключается теология вайшнавов, или, по крайней мере, теология чайтанитов на протяжении сотен лет. И с этой точки зрения мы можем согласиться с тем, что мы одновременно сотворены Богом и в то же время мы являемся Его частями. Я подчеркиваю снова и снова, что именно в этом заключается фундаментальная мистерия или фундаментальное таинство нашей философии, что именно в этом непостижимом единстве и отличие содержится примирение двух противоречий.

М. Осипов: Насколько я изучал историю философской мысли. По дилетантски, конечно, но с обеими точками зрения, подчеркивающими

единство, приводящее к пантеизму или монизму, имперсонализму и с точки зрения, подчеркивающими креационизм, возникновение нечто существующего отдельно от Бога, — с обеими этими крайними точками зрения возникают определенные философские противоречия. Часто неразрешимые. Их можно много привести, я боюсь, что это поведет дискуссию по другому руслу. Но те, кто изучает философская мысль текла как змея между этими двумя крайними точками зрения (подчеркивание трансцендентности Бога и Его имманентности), то большинство жизнеспособных философий в той или иной мере приходили к необходимости принятия одновременного присутствия обоих этих элементов, уживающихся непостижимым образом в Боге.

Диакон А. Кураев: Дело в том, что православие, для выхода из этой антиномии, разработало более сложный терминологический аппарат. Меня интересует, есть ли такой аппарат в вайшнавской теологии, потому что пока, то, что я слышу, это довольно по-варварски звучит. В нашей традиции есть терминология, которая вполне адекватно выражает нашу теологию. То, что у меня вызывает несогласие в том, что я сегодня слышал, я все время не могу понять: это инерция языка, недостаток терминов, проблемы речи, проблемы перевода или все-таки сущностные проблемы.

Начну я с того, что есть интересная теологическая шутка: одно и о же слово означает совершенно разные вещи в санскрите и иврите. Есть один и тот же корень «брх» и в санскрите он означает «набухать, наполнять собою пространство». А в иврите, напротив, этот же корень лежит в основе глагола «резать». И, когда мы читаем первый стих Библии — В начале создал Бог небо и землю — то вот это вот слово «берешит» — однокоренное именно с обрезать, резать. И если мы вспомним, что обрезание изначальный ритуал, посвящающий в иудаизм, так вот с точки зрения креационизма библейского — творение космоса начинается с обрыва, обрезания. То есть бог кладет границу между собой и другим и изначально получается плюралистическая Вселенная. Есть Бог, и то, что не Бог.

Второй тезис, который я хотел бы сказать. Христианство, конечно же, признает правду пантеизма, это частичная правда, но она есть. Во-первых, христианство умеет владеть пантеистической логикой. И всецело признает выбор пантеизма, когда речь идет о внутренней жизни божества, трансцендентной жизни божества. В самой Троице происходит безвольное рождение Сына от Отца, как естественный процесс, нет решения, то есть Отец не решает (да будет у меня Сын), просто он есть. Он сосуществует вечно, это вечная имманация. Это дух.

И в христианской теологии граница между божественным миром и тварном проходит не по категории «материя». А по категории «воля и решение», то есть то, что происходит в Боге. По требованию Его естества — нисхождение духа Святого, рождение Сына, — это божественное. А вот то, что возникает через волеизъявление божества, — вот это творение: ангелы, души.

Третье. Христианство исповедует телеологический пантеизм. То есть у нас есть теологический пантеизм (это в Троице) — это изначально, до истории космоса. Внутренняя история Троицы. А в конце времен — телеологический пантеизм. По слову апостола Павла: «Бог — будет все во всем».

Ведущая: Один как история Троицы, другой — история человечества, взаимоотношения между человеком и Богом.

Диакон А. Кураев: Соответственно, в этом и будет различие (как мы понимаем, ортодоксы, традиция) одно и то же слово Евангелие слова Христа: «Я сказал вам — вы-Боги» как это понимается в канонической традиции и как это понимается, скажем, у ньюэджеров. Для ньюэджеров — это диагноз, это фиксация того, что уже есть. Для нашей традиции, в этих словах — это мечта Бога о человеке. То есть такими Господь желает нас видеть, то есть Господь создает нас другими, но с тем, чтобы мы свободно отказались от этой инаковости и вернулись к нему. Соответственно — вопрос. Насколько я понимаю, Вы скорее готовы узнать и свое видение в этих моих словах. Потому что это естественная концепция персоналистического теизма, но здесь мой первый вопрос: «Как в таком случае с этим совместить Ваше признание Упанишад в качестве священного писания? Потому что Упанишад ясно говорят: от смерти к смерти идет тот, кто видит что-либо подобное различию». Что-то подобное различию — это «ты — это я». Как раз мир Упанишад — это мир монистический. И, наконец, последний тезис, который я хотел сказать. Христианство действительно признает, христианство исповедует такой термин есть у нас «панэnteизм», когда мир погружен в Бога, но есть, конечно, и Бог — трансцендентный, что Бог не исчерпывается своим присутствием и с этим мы согласны. Но отличие будет вот в чем. Христианский теолог никогда не скажет: «моя душа — это часть Бога». У нас есть более разработанная терминология, я имею ввиду следующее: в православном богословии есть понятие энергии Бога или благодати. Это то, что святой Семеон Новый Богослов, святой X века нашей эры, называл «то, что окрест Бога», рядом с Богом. И вот мы присутствуем в Боге потому, что в нас присутствует божественная энергия, но не потому, то мы консукциональны, единосущны Богу. То есть сущности Бога в нас нет, но есть божественные энергии, которые ве-

дут нас к погружению в эту сущность. И вот мне бы хотелось узнать, есть ли такого рода различие в традиции вайшнавской. Это первый вопрос. Второй. Как все-таки Вы совмещаете пантеизм Упанишад с и признанием их священным писанием авторитетным для вашей персоналистической теологии. И третий вопрос я уже тоже задавал, приведенный Вами текст Упанишад говорит, что Бог расширяет себя во многих, но это совсем не то же самое, что разрешить другим быть другими. Согласно приведенной Вами цитате из Упанишад, моя душа — это одна из форм существования Кришны. И тогда это пантеизм.

Ведущая: Давайте подведем итог нашей встречи. Зададим друг другу все незадаанные вопросы, потому что мне кажется, что эта встреча была очень плодотворной, потому то наконец-то мы смогли, как мне кажется, в дружественной обстановке, поговорить на те острые темы, которые одинаково волнуют как кришнаитов, так и христиан. Поэтому, я сейчас предлагаю устроить некий взаимный перекрестный брифинг, каждый из вас может задать вопрос каждому из присутствующих по какой-то интересующей его теме и таким образом мы с вами в то же время подведем итоги предыдущей беседе и сделаем уже какое-то братское резюме.

С.В. Зуев: Я очень рад, что наша сегодняшняя встреча состоялась, как сказала ведущая, что она прошла в дружественной атмосфере, что очень важно для понимания двух великих традиций. К сожалению, мы часто оцениваем традиции друг друга, находясь на более каком-то возбужденном, политизированном состоянии. Когда фундаментальные принципы куда-то уходят на задний план и какие-то сиюминутные мотивы нами руководят. В вайшнавизме это называется шреяс и преяс. Шреяс — это всеобщее благо, данные цели и преяс — это сиюминутные цели. Вот сегодня у нас, похоже, реализовалась это долгосрочная мотивация о том, что две великие традиции, сосуществуют вместе в одной стране, они рано или поздно начинают на таком цивилизованном уровне общаться. Я считаю, что это одним из итогов нашей встречи. К сожалению, мы видели много примеров того, как это неконструктивно происходит. И я очень рад, что происходит такой обмен мнениями. Доктор Гупта, мы провели несколько встреч и он в разных аудиториях выступал, и он говорил о том, что конструктивное взаимопонимание возникает не тогда, когда, скажем, церковь или традиции какую-то волю выражают, это бывает, как правило, на первом этапе. Это бывает уже как некий итог отношений. Это начинается с того, что начинается общение между личностями — носителями традиции. Это самое лучшее. Мы начали этот диалог, я считаю, что это первый шаг или один из первых шагов, мы пыта-

лись это делать и в прошлые года. Сокровищница наших отношений она пополняется шагами любовного обмена. Попытки понять со своих позиций какие-то важные вещи. Я считаю, что вы, ведущая, сказали очень важную вещь, очень важную. Диалог предполагает, что мы должны определить основные понятия очень глубоко и всесторонне. И этого не было сделано, в этом я усматриваю один из сдерживающих факторов.

Ведущая: Будут новые встречи.

С.В. Зуев: Да, будут новые встречи, потому что эти вещи должны быть очень четко поняты. И вот когда, не вмешиваясь в дискуссию, я это ощущал практически в каждом тезисе или аргументе, что основные понятия не прояснены. И поэтому мы делаем шаг вперед — и два шага назад, то есть мы возвращаемся к истокам. И это является зачастую основной причиной заблуждений, искажений, трений, конфликтов. То, что мы не проясняем, что мы имели ввиду, а что есть то, а что есть это. У нас был удачный опыт. Есть такой Роман Михайлович Конь. Мы с ним общались так и очень хорошего взаимопонимания мы достигли, потому что мы желали понять, что мы имеем ввиду. Он очень такой скупулезный человек. Мы проясняли понятия изначальные до запятых, до каких-то штрихов. И это очень важно.

Свящ. О. Стеняев: Встреча с профессором Осиповым, когда 70 кришнаитов приехали в Троицкую Лавру. Была лекция Осипова и он отвечал на вопросы.

С.В. Зуев: Я думаю, как я уже сказал, что это первый шаг, что нужно продолжать эти встречи. Это будет процессом, который поможет нам понять друг друга. Зачастую у нас была такая точка зрения. Что вот кто-то подозревал в другой стороне какие-то мотивы скрытые, какие-то представления и вот в таком диалоге это проясняется. Выясняется, что нужно начать с этих букв алфавита диалога. Я очень рад, что доктор Гупта, присутствующий здесь, юный доктор, но, тем не менее, он дает сокровищницу вайшнавской мудрости очень понятным, ясным языком.

Ведущая: Максим очень ясно переводит.

С.В. Зуев: Максим очень ясно переводит. В лице отца Андрея, отца Олега, диакона Евгения Трemasкина, Анатолия Пирского и других присутствующих мы видим доброжелательных слушателей, которые пытаются воспринять. Это очень здорово. Мы сегодня сделали очень большой шаг в сфере того, чтобы дать пример друг другу, как две традиции должны общаться. Я считаю, что это надо продолжать. Это первый шаг и мы должны зафиксиро-

ровать этот шаг, как некую основу, как первую точку в этом процессе взаимопонимания.

Ведущая: Спасибо огромное, очень приятно это слышать от гостей, тем более нечасто поступают в адрес православных комплименты об умении вести дискуссии. Спасибо Вам. Кто-нибудь еще хочет высказаться?

Д-р Р. Гупта: Для меня эта встреча является самым лучшим примером того, ради чего я вообще пришел в эту область исследования теологии, богословия. На протяжении девяти последних лет я изучал этот предмет в институтах и университетах и целью было сесть за стол и поговорить с людьми разных традиций. Понимая друг друга. Для меня лично этот диалог и обмен вопросами явился источником огромного удовлетворения. Я думаю, вы понимаете, потому что именно этим и живут богословы и философы, это их хлеб насущный, если можно так сказать. Единственное мое сожаление относительно сегодняшней встречи — это то, что она была такой короткой. Я надеюсь, что мы сможем продолжать этот обмен мнениями и беседу в будущем. Я также хотел лично от себя поблагодарить вас за то, что сегодня очень много усвоил для себя. Я хотел бы знать ортодоксальную традицию православия более глубоко, не так поверхностно. Я надеюсь, что вы милостиво можете мне в исполнении этого желания.

Ведущая: Спасибо большое доктор Гупта за Ваши добрые слова. Потому что мы, конечно, очень мало знаем о кришнаизме из первых уст. Возможность этого диалога я считаю необходимым как для людей, исповедующих кришнаизм, так и для людей, исповедующих православие.

М. Осипов: Я, в основном-то не участвовал непосредственно в диалоге. Для меня важнее всего, разумеется, было обсуждение философских концепций. Я убедился, что движение друг к другу возможно и оно приносит участникам больше удовольствия, чем движение в разные стороны. Но самым главным для меня выводом и результатом было то, что я увидел живых людей, которые на протяжении многих лет для меня олицетворяли прогрессивное православие. Отец Андрей Кураев, — было для меня всегда мечтанием познакомиться с ним лично и побеседовать, потому что часто страницы газет, экраны компьютеров, радио, телепередачи, — они отодвигают личностный аспект и человек превращается для вас в идею, враждебную или оппозиционную и мы переносит это на самого человека как личность. Я с удовольствием убедился в том, что все мои надуманные представления об уважаемых партнерах по этому диалогу рассеялись буквально с первых же минут. Я увидел искренних, чистосердечных, умных, ироничных, с чувством

юмора людей, с которыми особенно интересно иметь беседу, особенно на тему божественности.

Ведущая: Спасибо большое, Максим. Может быть, Вы выскажетесь?

Валерий Долгополов: Вообще-то мне не терпится позвонить домой маме моей. (смех) Она православная христианка. (так какие проблемы — звоните). Уже поздно и она в Челябинске живет. Когда я уезжаю, она всегда очень волнуется. Мы всей семьей пытаемся практиковать. Я недавно приехал в Москву, чтобы поддержать благотворительную социальную программу. И мама всегда волнуется: как там? Она очень искренняя православная и мне хочется позвонить ей и сказать, что вот, состоялась такая встреча и в будущем, возможно, тебе не придется волноваться.

Свящ. О. Стеняев: Я хочу тоже сказать заключительное слово и ответить на вопрос, который я уже обозначил, вопрос господина Гупты. В священном писании у апостола Павла, в послании к римлянам сказано, что язычники, не имея закона, по природе законное делая, обнаруживают, что закон написан в их сердцах. На самом деле здесь мы не пытались сделать так, чтобы православие приблизилось к кришнаизму или кришнаизм приблизился к православию. Есть общность духовной природы всего рода человеческого. Каждый из нас, он наделен тем же самым духом. У святителя Иоанна Златоуста есть такие слова — ему некоторые говорили: зачем ты общаешься с неправославными, он на это отвечал: как ты говоришь, что у нас с ними нет ничего общего, у нас нет ничего общего только с дьяволом, с каждым же человеком, живущим на земле, мы имеем очень много общего: одна земля под ногами, пищей питаемся одной и той же. Одно и то же небо и один и тот же Бог, который посылает одни и те же законы каждому из нас. И дальше он говорит : это в тебе говорит сатанинское бесчувствие И я вот наблюдаю, что вот это вот бесчувствие оно преодолевается. Люди религиозные начинают разговаривать друг с другом на религиозном языке на религиозные темы. Если вспомнить древних отцов, как они вели диспуты — это всегда был религиозный разговор, а не обмен каких-то обвинений, диалог — это не сбор компромата, это бесчестно для христианина так себя вести, и для вайшнава, я думаю, это то же бесчестно. Поэтому подводя итог со своей стороны я могу сказать одно: я очень доволен этой встречей. Для меня это не первая встреча и, надеюсь, не последняя. И я очень рад, что каждый из вас, особенно высказываясь по острым темам, не пытался их сгладить. А говорил так, как он верит, так, как это звучит в его сердце. И искренность каждого выступающего она была услышана и той и другой стороной. И пусть Господь благословит, чтобы подобные формы общения развивались и чтобы мы могли бы

искать истину. Ту истину, которую мы проповедуем во Христе. И ту истину, к которой мы призываем и вас. Я думаю, что отцу Андрею можно предоставить окончательное слово.

Диакон А. Кураев: Я не претендую на заключительное слово всего нашего разговора, но могу сказать, что для себя я в ходе нашей беседы лишь раз увидел некий внутренний трагизм той ситуации, в которой находится общество Сознания Кришны. Трагизм заключается в двух вещах: люди, которые живут в некотором таком напряжении на разрыв. С одной стороны, совершенно естественно для религиозного человека желание глубже войти в традицию, пустить корни в то лоно, в котором традиция растет через века. С другой стороны жизненная и миссионерская необходимость говорить на языке совершенно другой, западной культуры. Вторая ситуация разрыва — это то, что действительно практически 3000-летняя традиция индийской мысли — это все-таки традиция пантеистического философствования. И вот есть субъективное желание, философов, мыслящих о Кришне как о личном Верховном Боге, есть их искреннее личное желание создать внутреннюю логическую целостную модель персоналистической теологии, но при этом они не могут прямо объявить о разрыве с этим 3000-летним имперсоналистическим давлением индийской традиции. И в каких-то инерциях речь, штампах, привычках мысли, обиходных формулах, привычных аргументах, притчах, аналогиях, вот это очень чувствуется. И я думаю, что все-таки наверно необходимо еще несколько поколений, выросших в западном и христианском окружении для того, чтобы философская модель, ростки которой мы сегодня здесь видели, чтобы эта модель обрела все-таки свою целостность и завершенность, пока здесь все-таки есть ряд серьезных противоречий, причем это не противоречия неумелости речи отдельного адепта, это объективные противоречия становящейся и растущей традиции. Так что я считаю, что будущее движения Общества Сознания Кришны — это открытое будущее. И я не могу заранее предсказать, куда это развитие приведет наших собеседников и их учеников через несколько поколений. Мне бы только очень хотелось пожелать, чтобы в данном случае точки конца и начала не совпадали. Вот тут отец Олег упоминал общество Брахма самадж, как колыбель, из которой вышли многие неоиндуистские течения, но со своей стороны добавлю, что общество Брахма самадж — это по сути первая масонская ложа, созданная не без западного влияния в Индии. Соответственно масонские идеологии — это проект изначально по пафосу своему антихристианский. Вот мне бы очень хотелось, чтобы эта гениология — она была отброшена, забыта и чтобы умный и совестливый поиск духовной истины он позволил бы создать чистую

модель нашей мысли, достойную того единого непознаваемого любящего Господа, к которому стремится общество Сознания Кришны.

Ведущая: Мне бы хотелось, чтобы на прощание все-таки высказался отец Евгений, т.к. он по роду своей деятельности часто имеет дело с нетрадиционными религиями, как мы вынуждены их называть по установившейся терминологии.

Диакон Е. Трemasкин: Мне приходится часто общаться с представителями разных направлений, религиозных школ, религиозных организаций, и я замечаю тут такие особенности или некоторую искренность в своем искании или некое время отбывание той или иной организации религиозной. Наверное, однажды мы все предстанем перед лицом истины. Тогда, когда будем совершать переход из этой жизни в вечность и вот наверное эта истина все-таки она одна, если есть много понятий истины 10-15-20, то это все-таки уже не подпадает под определение истины, истина — она одна. И вот было замечено, что если человек искренне ищет истину, то он каким-то непонятным, таинственным образом все-таки подходит к ней. И как было упомянуто, о духовной общности всех людей, начатки этой истины, они заложены в душе каждого человека. Это некоторый закон нравственности, духовности и если в своих религиозных исканиях мы будем искренни, а, кстати, сегодняшняя встреча показала искренность людей, и хотелось бы, чтобы другие люди также пытались свое духовное религиозное искание, свой духовный путь совершать как движение к истине. И тогда, я думаю, каждый человек имеет эту возможность, достигнуть вот этой истины, о которой мы, христиане, говорим, что это Господь Иисус Христос. Спаси Господи.

Ведущая: Отец Евгений сделал такое важное обобщение. Я закончу с величайшим сожалением, потому что, как сказал сейчас Сергей Витальевич, осталось невыясненным очень много богословских понятий. Я думаю, есть повод для того, чтобы в дальнейшем мы могли еще раз встретиться и обсудить такие важные для людей, которые будут читать и слушать об этом диспуте вопросы. Большое еще раз спасибо доктору Гупте за то, что он смог приехать, добраться до нашего неблизкого подворья. Спасибо большое Отцу Андрею, отцу Евгению, спасибо всем участникам диспута, я надеюсь, что мы в мире его начали, в мире закончили и как сказал отец Олег: у нас есть одно общее — все мы люди и все мы любим, чувствуем, грустим, все мы радуемся одинаково. Мне бы хотелось, чтобы как можно меньше было раздоров было бы во всех наших отношениях, как можно меньше зла и гнева и чтобы мир пребывал в наших сердцах и между нами. Спасибо еще раз большое за то, что вы нашли время и пришли для этого диспута.